

Научная статья

УДК 784(=511.131)(571.16)

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-207-231

**Необрядовые лирические песни удмуртов
Томской области: поэтические мотивы и образы**

Ирина Вячеславовна Пчеловодова¹
Николай Владимирович Анисимов²
Екатерина Анатольевна Софронова³

^{1,2} Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук
Ижевск, Россия

^{2,3} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай»
Завьяловский район, Удмуртская Республика, Россия

² Эстонский литературный музей
Тарту, Эстония

¹ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

² kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

³ soroka-katya90@yandex.ru

Аннотация

Необрядовые песенные жанры удмуртов Томской области еще не были предметом аналитического исследования в отличие от обрядовых песен. В статье внимание сфокусировано на филологическом подходе – анализе мотивов поэтического текста, вычленение которых позволяет очертить корпус наиболее характерных для данной традиции. Для создания полноты картины привлекаются аналогичные песни коренной традиции. Результаты исследования показали, что в текстах песен ведущей является тема несчастливой судьбы, что объ-

© Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А., 2023

ясняется сложной судьбой переселенцев. Актуальными в этом тематическом блоке можно назвать мотивы прошедшей молодости, старения, сиротства / одиночества, тоски, страдания, расставания, смерти (суицида). Тема счастливой жизни / судьбы раскрывается через мотив родственных отношений.

Ключевые слова

удмурты, сибирская группа, музыкальный фольклор, песенные жанры, необрядовые песни, мотив, образ, переселенческая традиция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», рук. П. С. Шахов)

Для цитирования

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Необрядовые лирические песни удмуртов Томской области: поэтические мотивы и образы // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 207–231. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-207-231

Non-Ritual Lyrical Songs of the Udmurts of Tomsk Oblast: Poetic Motifs and Images

Irina V. Pchelovodova¹, **Nikolai V. Anisimov**²
Ekaterina A. Sofronova³

^{1,2} Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation

^{2,3} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Architectural and Ethnographic Museum-Reserve “Ludorvai”
Zavyalovsky District, Udmurt Republic, Russian Federation

² Estonian Literary Museum
Tartu, Estonia

¹ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

² kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

³ soroka-katya90@yandex.ru

Abstract

Non-ritual songs of the Udmurts of Tomsk Oblast have not yet been the subject of analytical research, unlike ritual songs. The article is focused on the philological ap-

proach – analysis of the poetic text’s motifs detects the most characteristic types for this tradition. Similar songs of the indigenous tradition are included. The results showed that miserable life theme is the leading theme of the songs, which is explained by the difficult fate of the migrants. The motifs of past youth, aging, orphanhood / loneliness, longing, suffering, separation, death (suicide) act relevant in this thematic block. The theme of a happy life / destiny is revealed through the motif of family relations.

Keywords

the Udmurts, Siberian group, musical folklore, song genres, non-ritual songs, motif, image, migration tradition

Acknowledgements

This research has been supported by a grant of the Russian Science foundation (project № 19-78-10113 “Folklore of Autochthonous and Migratory Traditions of Volga Region Peoples in Modern Records and Historical Dynamics: An Interactive Atlas of Audio Texts”, dir. P. S. Shakhov)

For citation

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Non-Ritual Lyrical Songs of the Udmurts of Tomsk Oblast: Poetic Motifs and Images. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 207–231. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-207-231

Песенная традиция удмуртов Томской области неоднократно привлекала наше внимание в рамках проекта РНФ «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» [Anisimov et al., 2020; Пчеловодова и др., 2022]. Основной акцент в предыдущих работах сдклан на обрядовой музыкально-песенной традиции как знаковой для удмуртской традиционной культуры. Необрядовый пласт песен до сих пор оставался вне поля зрения, с чем и связано обращение в данной статье к этой жанровой группе музыкального фольклора. Фокус исследования связан с изучением особенностей содержания поэтического текста необрядовых лирических песен удмуртов Томской области. В качестве основополагающего критерия для анализа выбран мотив как минимальная структурная единица фольклорного текста, охватывающая четырехстиховую, реже восьмистиховую структуру. Мотив, в свою очередь, раскрывается через характеристику наиболее ярких образов.

Материалом для исследования послужили экспедиционные записи 1974 и 2006 гг., хранящиеся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (далее НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

На сегодняшний день все материалы оцифрованы, оригиналы хранятся на магнитофонных лентах (МЛ) и магнитофонных кассетах (МК). Также были использованы видеоматериалы, снятые в 2003 г. каналом «ТВ-2» Томского телевидения.

В текстах необрядовых лирических песен томских удмуртов выделяется ведущая тематическая линия, связанная с озвучиванием несчастливой жизни / судьбы посредством ряда мотивов. Наиболее актуальными среди них являются мотивы прошедшей молодости, старения, сиротства / одиночества, тоски, страдания, расставания, смерти (суицида). Тема счастливой жизни / судьбы раскрывается через мотив родственных отношений. Далее рассмотрим каждый из обозначенных мотивов.

Мотив прошедшей молодости

Молодость – самая яркая пора жизни, «когда человек достигает своей физической зрелости, ему всё под силу...» [Пчеловодова, 2013, с. 66]. Осознание ее ухода, невозможности вернуть (а в традиционной культуре удмуртов время мыслится линейно) особенно ранит душу человека. В нижеприведенном образце мотив прошедшей молодости выражается через смену цвета одежды, где молодость раскрывается через желтый и зеленый цвета, а черный цвет является маркером прошедшей молодости:

<i>Куинь ар виси, ой чужекты,</i>	Три года болела, не пожелтела,
<i>Мон чужектій малпаса.</i>	Я пожелтела от дум.
<i>Чуж но(й) дйсай – бездылйз но,</i>	В желтое оделась – выцвело да,
<i>Вож но(й) дйсай – бездылйз.</i>	В зеленое оделась – выцвело.
<i>Чуж но(й) дйсай – бездылйз но,</i>	В желтое оделась – выцвело да,
<i>Вож но(й) дйсай – бездылйз.</i>	В зеленое оделась – выцвело.
<i>Берпумъёсаз съод но(й) дйсай,</i>	Напоследок в черное да оделась,
<i>Пинал дауре ортчиз.</i>	[Оказывается это] Моя
	молодость прошла.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига III
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

Мотив старения

В содержании некоторых песен находит отражение мотив старения как противоположность молодости. Размышления о смене жизненных периодов (молодость неизбежно сменяется старостью) усугубляют метафорические параллели из мира природы. В текстах необрядовых лирических песен томских удмуртов красной линией проходит тема сравнения тела человека, его отдельных частей (лица, глаз, волос, рук, голоса) с деревьями, ягодами, плодами, травой. Так, например, в песнях изображается, как стройное тело, в молодости похожее на клен, к старости иссохнет, словно ель; руки, похожие на крепкие ветви сосны, иссохнут, как лучина; розовощекое лицо высохнет, словно желтый лист, и т. д.:

<i>Вож бадяр, ой, кадь</i>	Словно, ой, зеленый клен,
<i>Вож мыгоры ой-а вал?</i>	Не было ли мое молодое тело?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Иссохнет ли теперь,
<i>Кӧс кыз кадь ик куасьмыса?</i>	Словно сухая ель?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Иссохнет ли теперь,
<i>Кӧс кыз кадь ик куасьмыса?</i>	Словно сухая ель?
<i>Пужым вайӛс кадь</i>	Словно сосновые ветви,
<i>Суйӛсы но ой-а вал?</i>	Не были ли мои руки?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Иссохнут ли теперь,
<i>Кӧс чаг кадь ик куасьмыса?</i>	Словно сухая лучина?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Иссохнут ли теперь,
<i>Кӧс чаг кадь ик куасьмыса?</i>	Словно сухая лучина?
<i>Лӧль намер, ой, кадь</i>	Словно, ой, алая костяника,
<i>Бамӧсы но (х)ой-а вал?</i>	Не были ли мои щеки?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Иссохнут ли теперь,
<i>Ӣуж куар кадь ик куасьмыса?</i>	Словно желтый лист?
<i>Быроз ин-а табере,</i>	Иссохнут ли теперь,
<i>Ӣуж куар кадь ик куасьмыса?</i>	Словно желтый лист?
<i>Сӧд сутэр, ой, кадь</i>	Словно, ой, черная смородина,
<i>Синӧсы но ой-а вал?</i>	Не были ли мои глаза?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Поблекнут ли теперь,
<i>Пӧсь синву(в)ен суткыса?</i>	Обжигаясь горячими слезами?

<i>Быроз ин-а табере</i>	Поблекнут ли теперь,
<i>Пось синву(в)ен суткыса?</i>	Обжигаясь горячими слезами?
<i>Љуж мертчан, ой, кадь</i>	Словно, ой, желтый лен,
<i>Йырси(й)осы ой-а вал?</i>	Не были ли мои волосы?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Развеются ли теперь
<i>Толья-бурья тӧлӱыса?</i>	По ветру?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Развеются ли теперь
<i>Толья-бурья тӧлӱыса?</i>	По ветру?
<i>Чипчурган, ой, кадь</i>	Словно, ой, звук чипчиргана ¹ ,
<i>Куара(й)осы ой-а вал?</i>	Не был ли мой голос?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Пропадет ли теперь,
<i>Куара(й)осын бӧрдуса?</i>	В голос ревя?
<i>Быроз ин-а табере</i>	Пропадет теперь,
<i>Куара(й)осын бӧрдуса?</i>	В голос ревя.
<i>Ой шӧды мон, ой шӧды,</i>	Не почувствовала я, не
<i>Чипчурганлэсь кошкэмзэ.</i>	почувствовала,
<i>Ой шӧды мон, ой шӧды,</i>	Как отцвела недоспелка.
<i>Куаралэсь быремзэ.</i>	Не поняла я, не поняла,
<i>Ой шӧды мон, ой шӧды,</i>	Как пропал мой голос.
<i>Куаралэсь быремзэ.</i>	Не поняла я, не поняла,
<i>Тӧл вож турыньӧс</i>	Как пропал мой голос.
<i>Уз съӧдэктэ малтай вал.</i>	Зеленые травы
<i>Вож турын но съӧдэктӱз,</i>	Не почернеют, думала.
<i>Мынам мыгор пересьмиз.</i>	Зеленые травы да почернели,
	Тело мое постарело.

¹ Чипчирган – традиционный музыкальный инструмент удмуртов, представляющий собой натуральную продольную трубу с ярким сильным звучанием. Его название, «с одной стороны, связано со звукоподражательным глаголом *чипсыны* “свистеть, разливать трелью”, с другой – с растением, из которого оно делается: словом *чипчирган* обозначают недоспелку копьевидную. Отличительной особенностью этого инструмента является способ звукоизвлечения (не вдуванием, как в других аэрофонах, а втягиванием воздуха в себя)» [Нуриева, Пчеловодова, 2019, с. 132].

*Вож турын но съддэктйз,
Мынам мыгор пересьмиз.*

Зеленые травы да почернели,
Тело мое постарело.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МК 198-2(2), 2006 г.
д. Тига III (Бильыб) Чаинского района Томской области
Перевозчикова Евгения Александровна, 1930 г. р.,
родилась в д. Хутор (исчезла) Бакчарского района, обр. 4 кл.,
здесь с 1941 г., пенсионерка, удмуртка
Второй исполнитель неизвестен

В другом примере метафорические параллели объединяют два четверостишия, первое из которых изображает природное явление, помогающее во втором четверостишии раскрыть человеческий мир:

*Весь-весь гинэ но будылоз
Тэль шоръёсаз кызъёсыз.
Со малы (й)озь погралоз?
Урод тёллы чидатэк.
Со малы (й)озь погралоз?
Урод тёллы чидатэк.*

Стройными только да вырастут
Посреди леса ели.
Отчего они так повалятся?
Не стерпев сильного ветра.
Отчего они так повалятся?
Не стерпев сильного ветра.

*Вож бадяр кадь мыгоры
Та пинал но калыклэн.
Со малы (й)озь пересьмоз?
Арлы лыдэзлы чидатэк.
Со малы (й)озь пересьмоз?
Арлы лыдэзлы чидатэк.*

Словно зеленый клен, тело
У этой да молодежи.
От чего они постареют?
Не стерпев количества лет.
От чего они постареют?
Не стерпев количества лет.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига III
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.

Мотив сиротства / одиночества

Сиротство – не свойственное для традиционной культуры явление, так как детей, по каким-либо причинам оставшихся без родителей, брали на попечение родственники по решению всей общины [Никитина, 1997, с. 19].

Однако и в этом случае сирота лишился единственного своего убежища и защиты – родителей, «что само по себе уже является несчастьем <...>: сирота чувствует себя ущербным, неполноценным по сравнению с другими членами социума» [Пчеловодова, 2013, с. 30]. Распространенный сюжет на сиротскую тематику объясняет одну из причин отсутствия родителей – мать умерла, а отец служит. По-видимому, именно этот сюжет оказался наиболее близок томским удмуртам, которые по пути в Сибирь потеряли своих близких (родителей, детей), а потом пришлось пережить Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.:

<i>Бур пыды тэралоз, сюлмы тэректоз,</i>	На правой ноге [оборы лаптей] развяжутся, сердце растревожится,
<i>Мумыдэ, бубыдэ тодад лыктоз. Мумыдэ, бубыдэ тодад лыктоз.</i>	Мать, отец вспомнятся. Мать, отец вспомнятся.
<i>Мынам мумие марлы-ко өвёл? Мынам мумие кулэмын. Мынам мумие кулэмын.</i>	Почему у меня матери нет? Мать у меня умерла. Мать у меня умерла.
<i>Мынам бубие марлы-ко өвёл? Мынам бубие салдатын.</i>	Почему у меня отца нет? Отец у меня на службе (букв.: в солдатах).
<i>Мынам бубие салдатын.</i>	Отец у меня на службе.

Видеозапись канала «ТВ-2»Томского телевидения, 2003 г.
д. Тига I Чаинского района Томской области
Жители деревни

Зачином этой песни является мотив, связанный с миром птиц, пение которых переключается с внутренним миром сироты:

<i>Учыед чирдоз, шушыед бёрдоз,</i>	Соловей запоеет, снегирь заплачет,
<i>Тэлын кикиед чильылоз. Тэлын кикиед чильылоз.</i>	В лесу кукушка закукует. В лесу кукушка закукует.

Как писали удмуртские исследователи А. Н. Голубкова и П. К. Поздеев, песни на сиротскую тематику «<...> более всех других песенных видов индивидуализированы, и в содержании их больше субъективного, нежели традиционного, так как сами темы их тоже не традиционны: сиротство – явление исключительное, для человека оно означает разрушение семьи, меняет веками повторяемый ритм жизни» [Голубкова, Поздеев, 1987, с. 59]. В удмуртском традиционном обществе не принято эмоциональное высказывание напоказ, а для сироты это вдвойне тяжелее, так как ему не с кем поделиться своими переживаниями. Единственная возможность выплеснуть свое горе – через исполнение песни ночью, наедине с собой. Поэтому сиротство нередко сопоставляется с одиночеством. Внутреннее состояние сироты передается через сопоставление с образами одиноко поющей птицы и бьющейся о берег воды:

*Папа чирдэ, папа чирдэ,
Куакысь куаке кылйське.*

Птица щебечет, птица щебечет,
От роши к роше слышится [ее
голос].

*Ву шуккиське, ву шуккиське,
Гужмысь гужме пазьгиське.*

Вода бьется, вода бьется,
Белой пеной брызгается.

*Ву шуккиське, ву шуккиське,
Гужмысь гужме пазьгиське.
У(й)ин мар ке пинал бёрдэ –
Огназ кылем сирота.*

Вода бьется, вода бьется,
Белой пеной брызгается.
Ночью дитя почему-то плачет –
[Это] Одиноким оставшийся
сирота.

*У(й)ин мар ке пинал бёрдэ –
Огназ кылем сирота.*

Ночью дитя почему-то плачет –
[Это] одиноким оставшийся
сирота.

*Тон малы (й)озь бёрдылйськод?
Огнам кылыськем шуса.*

Ты отчего так плачешь?
Оттого, что осталась/ся одна.

Однако финал песни весьма оптимистичен, что в подобных песнях встречается редко. Посредством образа цветов, пробивающихся даже на невспаханной земле, выражается надежда на лучшее будущее:

*Тон малы (й)озь бёрдылйськод?
Огнам кылыськем шуса.*

Ты отчего так плачешь?
Оттого, что осталась/ся одна.

*Гырымтэ но музейем былэ
Љуж но(й) лыз сяська потэ.*

На неспаханной да земле
Желтые да синие цветы
вырастают.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига III
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

Мотив тоски

Для удмурта, испытывающего обостренное чувство привязанности к дому и родным, разлука со своим пространством равносильна смерти. Ранее проводимые исследования образа дома показали, что в удмуртских песнях он воспринимается «в качестве важной составляющей в жизни человека: стабильность системы жилья соотносится с эмоциональной стабильностью и в целом создает ощущение защищенности, устойчивости, укорененности» [Пчеловодова, 2017, с. 36]. Соответственно, отдаленность от дома лишает человека этой стабильности. Поэтому вполне логично, что в текстах песен мотив тоски выражается через образы предметов домашнего обихода (дом, печь, одежда, рабочие инструменты, кукла), которые напоминают отца, мать, брата, сестру:

*[Э,] дядяе, дядяе,
Дядяелэсь мӧзмисько.
Дядяелэсь ке мӧзмисько,*

*Дом-юрт шоры учкисько.
Э, дядяе, дядяе,
Дядяелэсь мӧзмисько.*

*Э, нэнэе, нэнэе,
Нэнэлэсь мӧзмисько.
Нэнэлэсь ке мӧзмисько,
Гуразь шоры учкисько.*

[Э,] мой батюшка, мой батюшка,
Тоскую по своему батюшке.
Когда тоскую по своему
батюшке,

Смотрю на дом-хозяйство.
Э, мой батюшка, мой батюшка,
Тоскую по своему батюшке.

Э, моя матушка, моя матушка,
По своей матушке тоскую.
Когда тоскую по своей матушке,
Смотрю на шесток.

Э, нэнэе, нэнэе,
Нэнэлэсь мӧзмисько.

Э, нюняе, нюняе,
Нюняелэсь мӧзмисько.

Нюняелэсь ке мӧзмисько,

Валлэ шоры учкисько.
Э, нюняе, нюняе,

Нюняелэсь мӧзмисько.

Э, апае, апае,
Апаелэсь мӧзмисько.
Апаелэсь ке мӧзмисько,
Дйськут шоры учкисько.
Э, апае, апае,
Апаелэсь мӧзмисько.

Э, б(ы)ратэ, б(ы)ратэ,
Б(ы)ратэлэсь мӧзмисько.
Б(ы)ратэлэсь ке мӧзмисько,

Тйр-пурт шоры учкисько.

Э, б(ы)ратэ, б(ы)ратэ,
Б(ы)ратэлэсь мӧзмисько.

Э, сузэры, сузэре,
Сузэрылэсь мӧзмисько.
Сузэрылэсь ке мӧзмисько,

Мунё шоры учкисько.

Э, моя матушка, моя матушка,
По своей матушке тоскую.

Э, мой брат, мой брат,
По своему старшему брату
тоскую.

Когда тоскую по своему
старшему брату,

Вспоминаю прошлое.

Э, мой старший брат, мой
старший брат,
По своему старшему брату
тоскую.

Э, моя сестра, моя сестра,
По своей сестре тоскую.
Когда тоскую по своей сестре,
На одежду смотрю.
Э, моя сестра, моя сестра,
По своей сестре тоскую.

Э, мой братишка, мой братишка,
По своему братишке тоскую.
Когда тоскую по своему
братишке,

Смотрю на рабочие
инструменты.

Э, мой братишка, мой братишка,
По своему братишке тоскую.

Э, моя сестренка, моя сестренка,
По своей сестренке тоскую.
Когда тоскую по своей
сестренке,

На куклу смотрю.

Э, сузэры, сузэре,
Сузэрылэсь мӧзмисько.

Э, моя сестренка, моя сестренка,
По своей сестренке тоскую.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига Ш
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

Дом представляется в единении с окружающим его природным ландшафтом, навевающим воспоминания о родителях, друзьях и той работе, которая выполнялась девушкой в родном доме:

Юг-юг гинэ жусжалоз
Та льӧмпулэн сяськаез.
Соку (й)ик тодад лыктоз
Тятиедлэсь вордэмзэ.

Белым-бело только расцветут
Цветы черемухи.
В этот момент вспомнится тебе
Родимый батюшка.

Льӧль-льӧль ик(ы) жусжалоз
Бакча шоры мак сяська.
Соку ик тодад лыктоз
Мамиедлэсь вордэмзэ.

Розовее розового расцветет
Посреди огорода маков цвет.
В этот момент вспомнится тебе
Родимая матушка.

Їуж-їуж ик(ы) жусжалоз
Возь вылад ик италмас.
Соку ик тодад лыктоз
Урчче шудэм эшгӧстэ.

Желтее желтого расцветет
На лугу купава.
В этот момент вспомнятся тебе
Совместно игравшие [с тобой]
друзья.

Вож-вож ик(ы) жусжалоз
Возь вылад ик вож турын.
Соку ик тодад лыктоз
Турнаны но потондэ.

Зеленее зеленого вырастут
На лугу зеленые травы.
В этот момент вспомнится тебе
Пора выхода на сенокос.

Лыз-лыз ик(ы) жусжалоз
Бусы кузя лызсяська.

Синее синего расцветет
Вдоль поля василек.

*Соку ик тодад лыктоз,
Араны но потондэ.*

В этот момент тебе вспомнится
Пора выхода на жатву.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига Ш
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.;
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

В местной традиции встречаются песни, построенные на контаминации двух совершенно разных сюжетов, но сходных по эмоциональному наполнению. Так, в нижеприведенном образце мотив тоски соединяет в себе мотив сиротства, так как в обоих звучит тема отсутствия родителей. Более того, мотив тоски по родителям усиливается трагическим сюжетом увоза лирического героя в Сибирь, где его, судя по контексту, сажают в тюрьму. Поэтому воспоминания о родном природном ландшафте звучат особенно эмоционально:

Вож бадяр, ой, вож мыгоры,

Словно зеленый клен, ой, моё
молодое тело,

Льоль(ы) намер, ой, бамъёсы.

Словно алая костяника, ой, мои
щеки.

*Со бамъёсын(ы) мар(ы) карод,
Вордэм муми медло вал.*

Для чего мне эти щеки,
Была бы родная матушка.

*Со бамъёсын(ы) мар(ы) карод,
Вордэм муми медло вал.*

Для чего мне эти щеки,
Была бы родная матушка.

Їуж мерччан, ой, їуж йырсие,

Словно золотистый лен, ой, мои
светлые волосы,

Сьод сутэр, ой, синъёсы.

Словно черная смородина, ой,
глаза.

*Со синъёсын(ы) мар карод,
Вордэм буби медло вал.*

Для чего мне эти глаза,
Был бы родной отец.

*Со синъёсын(ы) мар(ы) карод,
Вордэм буби медло вал.*

Для чего мне эти глаза,
Был бы родной отец.

<i>Монэ келялозы Сибырэ, Бадзым замок улъёсы. Монэ келялозы Сибырэ, Бадзым замок улъёсы.</i>	Меня отправят в Сибирь, [Посадят] Под крепкий замок. Меня отправят в Сибирь, [Посадят] Под крепкий замок.
<i>Ку ветлом на лудъёстїм, Уй но нунал ужаса? Ку ветлом(ы) на лудъёстї,</i>	Когда еще буду ходить по этим лугам, Работая день и ночь? Когда еще буду ходить по этим лугам,
<i>Уй но нунал ужаса? Ку ветлом на съод тэльёстї,</i>	Работая день и ночь? Когда еще буду гулять по этим лесам,
<i>Уй но нунал кырзаса? Ку ветлом на съод тэльёстїз,</i>	Распевая [песни] день и ночь? Когда еще буду гулять по этим лесам,
<i>Уй но нунал кырзаса? Монэ пытсалозы бадзым замок улэ,</i>	Распевая [песни] день и ночь? Меня посадят под крепкий замок,
<i>Ой, бёрдыло мон. Монэ пытсалозы бадзым Замок улъёсы.</i>	Ох, плакать буду я. Меня посадят под крепкий замок.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33-2, 1974 г.
Томская обл., Чаинский район, д. Тига I
Владыкина Анна Владимировна, 1914 г. р.,
ур. д. Сильво Шарканского района УАССР, здесь с 1922 г.

Мотив страдания

Эмоциональную составляющую поэтического текста песни этого тематического блока выражают два взаимодополняющих друг друга мотива: мотив тоски по своей малой родине и мотив страданий. При этом семантика страдания значительно усилена за счет психологического параллелизма на основе образов длинной бесконечной дорогой, сильно дующего ветра, нетушимого огня, соотносимых с внутренним состоянием человека:

<i>Э, тійнь та сюрес, мар сюрес та</i> кузя,	Эх, эта дорога, что за длинная дорога,
<i>Некытын но пумыз өвёл.</i>	Нигде конца ее не видно.
<i>Э, та куректон, мар куректон</i> таёе,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Неку но пумыз но өвёл.</i>	Никогда конца ему не будет.
<i>Э, та куректон, мар куректон</i> таёе,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Неку но пумыз но өвёл.</i>	Никогда конца ему не будет.
<i>Э, тійнь та төл, ма төл таёе</i> тёласёе,	Эх, этот ветер, почему он так сильно дует,
<i>Бадёпу ньёрёсты ик сзёя.</i>	Раскачивает ветки ивы.
<i>Э, та куректон, мар куректон</i> та,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Тёлын но уг ик төлатёя.</i>	Даже по ветру не развеивается.
<i>Э, та куректон, ма куректон</i> та,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Тёлын но уг ик төлатёя.</i>	Даже по ветру не развеивается.
<i>Э, та тыл, ма та тыл ёжуа,</i>	Эх, этот огонь, почему он так горит,
<i>Вуэн кичкатэк уг кысы.</i>	Даже водой не потушить.
<i>Э, та куректон, ма та куректон</i> таёе,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Вуэн кичкаса но уг кыс.</i>	Даже водой не потушить.
<i>Э, та куректон, мар та</i> куректон таёе,	Эх, это страдание, что за страдание такое,
<i>Вуэн кичкаса но уг кыс.</i>	Даже водой не потушить.

В коренной традиции эта песня относится к жанру рекрутских песен, однако в переселенческой традиции она трансформировалась в жанр неприуроченной лирической песни, получив обозначение песни уехавшего в Сибирь. Связь с рекрутской песней сохранилась в первой строфе поэтического текста, отражающего характерную для рекрутских песен тематику. Соединение двух сюжетов вполне логично, ведь для рекрута это вынужденная необходимость смены привычной хозяйственной деятельности в пределах родного пространства на незнакомую военно-походную в чужом краю:

<i>Геры но кутон киёсы вал но,</i>	Руки мои были для того, чтобы плуг держать,
<i>Пи́чал но кутын кылызы.</i>	Пришлось же в руки ружьё братъ.
<i>Борозда лёган пыдъёсы вал но,</i>	Ноги мои были для того, чтобы по борозде ходить,
<i>Кузъ сюрес лёган кылызы.</i>	Пришлось же по длинным дорогам шагать.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33-2, 1974 г
Томская область, Чаинский район, д. Тига I
Владыкина Анна Владимировна, 1914 г. р.,
ур. д. Сильво Шарканского района УАССР, здесь с 1922 г.

Мотив страдания также может стать основой последовательного сюжета. Хотя он там явно и не звучит, но проявляется в контексте изложенных в тексте песни событий. В коренной традиции (Шарканский район Удмуртской Республики) песня обозначается как песня выходящей замуж девушки – *бызись ныллэн кырзанэз*, в то время как в местной традиции она звучит в качестве неприуроченной лирической:

<i>Ой, бызи мон, ой, бызи,</i>	Ой, вышла замуж я, ой, вышла замуж,
<i>Лобошуре птырай, Лобошуре птырай.</i>	В Лобошуре оказалась. В Лобошуре оказалась.
<i>Э, мамие, мамие, Мардэ меда малпаськод? Мардэ меда/гинэ малпаськод?</i>	Э, моя матушка, моя матушка, О чем же думаешь? О чем же думаешь?
<i>Четверть вина вуттйзы, Дядие туж шумпотйз, Жезы аже пара вал.</i>	Четверть вина принесли, Отец очень обрадовался, Перед воротами пара лошадей.
<i>Жезы аже пара вал, Шарканэ ик нуизы. Шарканэ ик нуизы, Черк аже ик вуттйзы.</i>	Перед воротами пара лошадей, Аж до Шаркана увезли. Аж до Шаркана увезли, К церкви привезли.

<i>Черк а́зе ик вуттй́зы, Черк пол вы́лэ султы́тйзы.</i>	К церкви привезли, В церковь завели (букв.: на церковный пол поставили).
<i>Черк пол вы́лэ султы́тйзы, Эмеспизес ватй́зы.</i>	В церковь завели, Зятя привели.
<i>Эмеспизес ватй́зы, Зарни ы́збы понй́зы.</i>	Зятя привели, Венцы (букв.: золотые шапки) надели.
<i>Йырсиме кык пунй́зы, Чипен кадь ик думиськи.</i>	Мои волосы в две косы заплели, Словно цепями [теперь] привязана.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига III
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

Мотив расставания

Этот мотив нашел отражение в двух песнях. Первая из них исполняется в реальной ситуации проводов. Упоминание парохода в тексте говорит о ее возникновении в первой половине прошлого столетия. В начале песни ощущается эмоциональный накал при расставании двух влюбленных (молодых людей или мужа и жены):

<i>«Ой, зеч улэ» шу́са мон кошки, Параходэ мон кельтй́, Тонэ огнадэ мон кельтй́, Шур дуре гу́ндыты́са. Тонэ огнадэ мон кельтй́, Шур дуре гу́ндыты́са.</i>	«Ой, прощайте» сказав, я уехал, Поднявшись на пароход. Тебя одну я оставил У берега реки в потрясении. Тебя одну я оставил У берега реки в потрясении.
<i>Туж т(ы)рос веран медй́сько вал, Пучкы ты́рмиз бо́рдыса.</i>	Очень много сказать хотелось, [Но] Внутри всё переполнилось от [чувств].

*Туж т(ы)рос веран медйсько вал,
Пучкы тырмиз бърдыса.*

Очень много сказать хотелось,
[Но] Внутри всё переполнилось
от [чувств].

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МК 198-1(2), 2006 г.
д. Тига Нижняя (Чибыш) Чаинского района Томской области
Стрелкова Ефросинья Фёдоровна, 1934 г. р.,
ур. д. Средняя Тига (Шор), здесь с 1974 г.,
образование 4 кл., удмуртка, пенсионерка, работала дояркой 17 лет

Своеобразием данной песни в местной традиции является наличие мотивов, усиливающих мотив расставания (в коренной традиции они отсутствуют), что, по-видимому, связано с ситуацией переселенцев, вынужденных по разным причинам покинуть родное пространство. В этом случае мотив расставания тесно связан с состоянием тоски, которое передается посредством образа поющей птицы:

*Їужо-вожо сяська пӧлын,
Няпрес бадьпуёсыз йылын.
Їужо-вожо сяська пӧлын,
Няпрес бадьпуёсыз йылын.*

Среди ярких цветов,
На верхушке кудрявой ивы.
Среди ярких цветов,
На верхушке кудрявой ивы.

*Няпрес бадьпуёсыз йылын
Папа чирдыса пуке.
Папа, папа, папа чирдэ,
М[ын]эсьтым кӧтме*

На верхушке кудрявой ивы
Птица поёт.
Птица, птица, птица поёт,
На меня тоску навевая.

*жӧжӧмытэ.
Папа, папа, папа чирдэ,
М[ын]эсьтым кӧтме
жӧжӧмытэ.*

Птица, птица, птица поёт,
На меня тоску навевая.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 34, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, Усть-Бакчарский с/с,
д. II Тига (Шор Тига), Стрелкова Евгения Александровна, 1910 г. р.,
ур. д. Уйвай Дебесского района УАССР, здесь с 1912 г.

В следующей песне мотив расставания, звучащий в конце песни, сопряжен с несколькими мотивами. Условно можно выделить три мотива:

счастливой молодости, когда лирический герой вспоминает свое детство; горя / тоски; расставания:

<i>Туж ик пичи мон ик вал, Туж ик пичи нылъёсмурт. Мон уг валаськы вал Куректонэз-бёрдонэз.</i>	Очень маленькой я была, Очень маленькой девочкой. Я не знала Горя-печали.
<i>Мон уг валаськы вал Куректонэз-бёрдонэз. Мöля вылам зйбиськиз,</i>	Я не знала Горя-печали. На грудь навалилось [горе-тоска],
<i>Ой, секыт мон лулзи. Мöля вылам зибиськиз,</i>	Ох, тяжело я вздохнула. На грудь навалилось [горе-тоска],
<i>Ой, секыт мон лулзи. Ой, секыт, туж секыт Та көс лулзылон вылэм. Ой, секыт, туж секыт Та көс лулзылон вылэм.</i>	Ох, тяжело я вздохнула. Ох, тяжелым, очень тяжелым Это горе оказалось. Ох, тяжелым, очень тяжелым Это горе оказалось.
<i>Ой, зеч улэ, зеч улэ</i>	Ой, хорошо живите, хорошо живите
<i>Кылемез но эшгёсы. Монэ вералоды, Монэ малпалоды. Монэ вералоды, Монэ малпалоды.</i>	Оставшиеся да друзья. Обо мне будете говорить, Меня будете вспоминать. Обо мне будете говорить, Меня будете вспоминать.
<i>Мон кошко кыдёке, Тй монэ уд адзе. Мон кошко кыдёке, Тй монэ уд адзе.</i>	Я уеду далеко, Вы меня не увидите. Я уеду далеко, Вы меня не увидите.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МК 198-2, 2006 г.
д. Тига Нижняя (Чибыш) Чаинского района Томской области
Стрелкова Ефросинья Фёдоровна, 1934 г. р.,
ур. д. Средняя Тига (Шор), здесь с 1974 г., образование 4 кл.,
удмуртка, пенсионерка, работала дояркой 17 лет

В другом варианте песни добавляется мотив прощания:

*Їукна чук мон султй,
«Ой, зеч луэ», мон шуи.
«Ой, зеч луэ, зеч луэ...»*

Ранним утром я встала,
«Ой, прощайте», я сказала.
«Ой, прощайте, прощайте...»

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 34-2, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Ш Тига (Бильыб)
Перевозчикова Екатерина Николаевна, 62 г.,
Степанова Матрена Дмитриевна, 69 л.,
Казакова Дарья Ивановна, 68 л.

Как показал анализ совокупности 44 вариантов данной песни в коренной традиции (распространенной в северо-восточной части республики на территории Глазовского, Шарканского, Красногорского, Кезского и Игринского районов), именно заключительная часть песни содержит основной смысл, отражающий один из архаичных этапов свадьбы – *берен пуксён* (букв.: прежнее сидение), когда «просватанную девушку увозили в дом жениха, и она могла вернуться в родительский дом лишь спустя довольно длительный промежуток времени (от полугода до года)» [Пчеловодова, 2013, с. 109]. В связи с утратой контекста исполнения песни возникли «вариации на тему пространственно-временной парадигмы в рамках реального хронотопа, где время движется по возрастающей (от шести месяцев до “насовсем”)» [Там же]. В представленном образце лирический герой также прощается со своими друзьями на длительный срок («Я уеду далеко / Вы меня не увидите»).

Мотив смерти (суицида)

Желание покончить с жизнью, согласно поэтическому тексту, связано с отсутствием взаимности в отношениях, что и приводит к смерти лирического героя. Сопутствующими образами данного мотива являются темная ночь, соловей и кукушка как свидетели произошедшего:

*Ой, мар(ы)лы-ё, мар(ы)лы та уй
такем пеймыт?
Ой, малы-ё, малы такем(ы) кёт
куректэ?*

Ой, почему, почему эта ночь так
темна?
Ой, почему, почему так
горестно?

<i>Ой, малы-ё, малы такем(ы) кёт куректэ?</i>	Ой, почему, почему так горестно?
<i>Вазь ёукна ёук сул(ы)тй, Вало дуре васьки, Вань(ы)мыз калык кёлыку, отчы йыр(ы)ме быдтй. Вань(ы)мыз калык кёлыку, отчы йыр(ы)ме быдтй.</i>	Ранним утром встала, спустилась к [реке] Вала, Пока весь народ спал, там голову [свою] сгубил/а. Пока весь народ спал, там голову [свою] сгубил/а.
<i>Нокинъ но(й) өз адзи, Вало(й) учы сяна, Нокинъ но(й) өз жала, Вало куку сяна. Нокинъ но өз адзвы, Вало куку сяна.</i>	Никто да не увидел, кроме соловья [у реки] Вала, Никто да не пожалел, кроме кукушки [у реки] Вала. Никто да не пожалел, кроме кукушки [у реки] Вала.
<i>Тодад(ы) лыктоз али толон эсыт(ы) вераськеммы, Кыче меда йётоз (ай) монтэк кылем(ы)ёсы? Кыче меда потоз монтэк уй-нунал(ы)ёс? Кыче меда потоз монтэк уй-нунал(ы)ёс?</i>	Вспомнишь еще наш вчерашний вечерний разговор, Каково же будет, ай, остаться без меня? Какими же окажутся дни и ночи без меня? Какими же окажутся дни и ночи без меня?

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 34, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. II Тига (Шор Тига)
Максимова Ида Александровна, 1914 г. р.,
ур. д. Бильыб Чаинского района

Мотив родственных отношений

В отличие от предыдущих мотивов мотив родственных отношений связан с тематикой счастливой жизни. Об этом свидетельствуют и сравнительные образы. Так, отец и мать, самые близкие и дорогие сердцу человека люди, сравниваются с главными небесными светилами – полной луной и солнцем. Семантика образов брата с сестрой ассоциируются с главными атрибутами накрытого стола – четвертью вина и целым караваем. А жена

брата, будучи человеком, пришедшим со стороны, сопоставляется с крапивой:

*Милям буби(й)ос мар буби(й)ос?
Милям буби(й)ос мар буби(й)ос?
Жытлала, жытлала жуужам
тыр толэзь
Кадесь ик выййллям.*

Наши отцы, каковы наши отцы?
Наши отцы, каковы наши отцы?
Вечером поднявшаяся полная
луна
Словно были.

*Милям муми(й)ос мар
муми(й)ос?
Милям муми(й)ос мар
муми(й)ос?
Чукналась чукнала жуужам тыр
шунды
Кадесь ик выййллям.*

Наши матери, каковы наши
матери?
Наши матери, каковы наши
матери?
Каждое утро взошедшее солнце
Словно были.

*Милям апайос мар апайос?
Милям апайос мар апайос?
Жок вылэ, жок вылэ понэм тыр
четверть
Кадесь ик выййллям.*

Наши сестры, каковы наши
сестры?
Наши сестры, каковы наши
сестры?
На стол, на стол поставленная
полная четверть [вина]
Словно были.

*Милям нюни(й)ос мар
нюни(й)ос?
Милям нюни(й)ос мар
нюни(й)ос?
Жок вылэ, жок вылэ понэм тыр
колды
Кадесь ик выййллям.*

Наши братья, каковы наши
братья?
Наши братья, каковы наши
братья?
На стол, на стол поставленный
целый каравай
Словно были.

*Милям кенакъёс мар кенакъёс?
Милям кенакъёс мар кенакъёс?*

Наши тети, каковы наши тети?
Наши тети, каковы наши тети?

<i>Буртчинэ, бурчинэ жэужам вож пушнер</i>	Посреди шелковой [травы] поросшая зеленая крапива
<i>Кадесь ик выйллям.</i>	Словно были.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, МЛ 33, 1974 г.
Томская область, Чаинский район, д. Тига III
Стрелкова Пелагея Прохоровна, 1900 г. р.,
ур. д. Карса Шарканского района УАССР, здесь с 1912 г.
Осотова Анна Дмитриевна, 1907 г. р.,
ур. д. Бильыб Шарканского района УАССР, здесь с 1915 г.

Выводы

Результаты исследования показали, что ведущей в текстах песен является тема несчастливой судьбы, в отличие от тематики, изображающей счастливую судьбу, что объясняется сложной судьбой переселенцев. Актуальными в этом тематическом блоке можно назвать поэтические мотивы прошедшей молодости, старения, сиротства / одиночества, тоски, страдания, расставания, смерти (суицида). Если первые три из них (мотивы прошедшей молодости, старения, сиротства / одиночества) являются характерными как для местной, так и для коренной традиции, то последующие (мотивы тоски, страдания, расставания) дополняются местным колоритом. Более эмоциональным накалом наполнены песни, раскрывающие состояние тоски и страдания, что в отдельных случаях приводит к жанровой трансформации. В частности рекрутская песня коренной традиции переходит в жанр необрядовой лирики в переселенческой традиции. В традиционных песнях появляются новые сюжетные линии (например, увоз лирического героя в Сибирь, где его запирают под замок в песне «*Вож бадяр, ой, вож мыгоры*»), новые образы (в песне «*“Ой, жеч улэ” шуса мон кошки*» появляется образ поющей птицы на верхушке ивы, перекликающийся с внутренним состоянием тоски переселенцев; триада образов «длинная дорога – сильный ветер – нетушимый огонь» в сопоставлении со страданием человека в песне «*Геры но кутон киёсы вал но*»).

Таким образом, особенности судьбы удмуртов-переселенцев, их внутреннее состояние и место проживания нашли прямое отражение в текстах необрядовых лирических песен.

Список литературы

Голубкова А. Н., Поздеев П. К. Сокровище народное: очерки об удмуртской народной песне. Ижевск: Удмуртия, 1987. 112 с.

Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.

Нуриева И. М., Пчеловодова И. В. Птичьи голоса лесного ландшафта Удмуртии в музыкальном фольклоре и инструментальных наигрышах // Звучащие ландшафты Арктики. Новосибирск: Наук, 2019. С. 121–139.

Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: от мотива к сюжету. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 164 с.

Пчеловодова И. В. Образ дома в удмуртских лирических песнях // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 1. С. 35–42.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Песенная традиция сибирских удмуртов в исторической динамике (на материале экспедиционных записей 1974, 2001, 2003, 2006 гг.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 1 (35). С. 157–171.

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 85–110.

References

Anisimov N., Pchelovodova I., Sofronova E. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt). *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 85–110.

Golubkova A. N., Pozdeev P. K. Sokrovishche narodnoe: ocherki ob udmurtskoy narodnoy pesne [Treasure of the Folk: Essays on the Udmurt Folk Song]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1987, 112 p. (in Russ.)

Nikitina G. A. Narodnaya pedagogika udmurtov [Folk pedagogy of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, 136 p. (in Russ.)

Nurieva I. M., Pchelovodova I. V. Ptich'i golosa lesnogo landshafta Udmurtii v muzykal'nom fol'klоре i instrumental'nykh naigryshakh [Bird voices of the forest landscape of Udmurtia in musical folklore and instrumental tunes]. In: Zvuchashhie landshafty Arktiki [Sounding Landscapes in the Arctic]. Novosibirsk, Nauka, 2019, pp. 121–139. (in Russ.)

Pchelovodova I. V. Obraz doma v udmurtskikh liricheskikh pesnyakh [The image of the house in the Udmurt lyrical songs]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, vol. 1, pp. 35–42. (in Russ.)

Pchelovodova I. V. Udmurtskaya pesennaya lirika: ot motiva k syuzhetu [Udmurt song lyrics: from motive to plot]. Izhevsk, URILL UB RAS Publ., 2013, 164 p. (in Russ.)

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Pesennaya traditsiya sibirskikh udmurtov v istoricheskoy dinamike (na materiale ekspeditsionnykh zapisey 1974, 2001, 2003, 2006 gg.) [The Song Tradition of the Siberian Udmurts in Historical Dynamics (Based on Expedition Records of 1974, 2001, 2003, 2006)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2022, vol. 1 (35), pp. 157–171. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Вячеславовна Пчеловодова, кандидат филологических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

RSCI Author ID 638841

Николай Владимирович Анисимов, кандидат филологических наук, научный сотрудник

WoS Researcher ID G-1070-2019

Екатерина Анатольевна Софронова, кандидат искусствоведения, научный сотрудник

Information about the Authors

Irina V. Pchelovodova, Candidate of Sciences (Philology), Scientific Research

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

RSCI Author ID 638841

Nikolai V. Anisimov, Candidate of Sciences (Philology), Scientific Research

WoS Researcher ID G-1070-2019

Ekaterina A. Sofronova, Candidate of Sciences (Art History), Scientific Research

*Статья поступила в редакцию 11.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 10.04.2023
The article was submitted on 11.02.2023;
approved after reviewing on 10.04.2023; accepted for publication on 10.04.2023*